

6. Тоталитаризм за пределом тоталитаризма

Негативная антропология — понятие более широкое, чем тоталитаризм. Она формировалась и теми мыслителями 1930—1950-х гг., которые оставались в стороне от политики тоталитарных режимов. Можно было бы говорить в этой связи о рефлексах фашизма и сталинизма в философии. Но не правильнее ли понять сам тоталитаризм как сконцентрированное в государственной (внутренней и внешней) политике отражение той культуры, которая сменится в 1960-х гг. постмодернизмом?

В «Философской антропологии» (1941—1953) Х. Плесснер утверждал, что человеку в его отрыве от животного мира приходится специально овладевать своим телом, обучать его, подчинять его себе. При этом, однако, Плесснер исследовал в своем труде как раз те состояния человека, в которых он теряет контроль над «инкорпорированием» (становится негативной соматической величиной), — смех

* В противоположность мимике смех и слезы представляют собой такой род выразительности, который выражает *утрату контроля вообще (нем.)*

** Человек ... никогда не есть целиком то, что он «ест» (нем.)

*** Идея человека (не включает в себе) никакой фиксированной определенности (нем.)

**** Лишь сверхвременное существо может постигнуть Историю (нем.)

и слезы: «Im Gegensatz zur mimischen Ausdrucksgebärde stellt sich das Genus von Lachen und Weinen als eine Äußerungsweise dar, bei welcher der Verlust der Beherrschung im Ganzen Ausdruckswert hat»³⁹ (подчеркнуто автором. — *И. С.*).

Суммируя свои антропологические занятия, Плесснер называл особенно важными для человека, прежде всего, минус-качества — такие как: «нестабильность» («der Mensch... ist nie ganz das, was er "ist"»⁴⁰); биологическую «недостаточность», компенсируемую «протезами» (вспомним соцреалистических героев на протезах); историческую неподытоженность: «die Idee des Menschen (enthält) keine fixe Bestimmung»⁴¹ (ср. учение А. Гелена). В споре с ярким антропологом предшествующего, раннеавангардистского поколения, М. Шелером, Х. Плесснер настаивал на том, что человек не стремится покорить мир — он подобен домашним животным, привязан к очагу, к родине⁴² (пространственно закрепощен, — скажем мы). Между тем, сверхчеловек М. Шелера рвется в космос и уже преодолел время (ср. футуризм): «Nur ein überzeithaftes Wesen kann Geschichte erkennen»⁴³.

П. Тейяр де Шарден, не таясь, высказывал симпатию к тоталитарным режимам, которые, по его мнению, пусть и извращенным способом, но все же приблизились к истине. Все народы мира, полагал он, жаждут мыслить человеческое в терминах Запада (=оксидентальная антропологическая синекдоха). В «Феномене человека» (1954) П. Тейяр де Шарден концептуализует свой предмет (так же, как А. Гелен и Х. Плесснер) в виде чего-то эволюционирующего, становящегося то одним, то другим. Однако, в отличие от немецких антропологов, П. Тейяр де Шарден считал эту эволюцию предсказуемой — она влечет человека от персонального и группового эгоизма в царство Духа, к коллективной жизни-в-Боге⁴⁴ (авангардистский сверхчеловек еще остается здесь в силе, но он не актуален в современности, где царит антропологическая неопределенность, которой вовсе нет, например, у М. Шелера).

М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно неопишимо возмутились бы, если бы смогли прочитать то, что сейчас будет написано: мы убеждены, что предпринятая ими в «Диалектике Просвещения» (1944) атака на тоталитаризм была не чем иным, как семейной ссорой. М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно поставили под вопрос Просвещение, которое, по их модели, протянулось от мифа вплоть до нацистской идеологии. Начиная с первобытной культуры, жертвующей избранниками, Просвещение обрекает на заклятие особое ради всеобщего. Логика, оперирующая не индивидуальным, но родовым, растет из жертвоприношений. Человек, взятый сам по себе, не является универсальным субъектом. Разве не то же самое имел в виду Гитлер, писавший в «Майн Кампф» о том, что среди широких народных масс нельзя найти философа? И Гитлер, и авторы «Диалектики Просвещения», несмотря на непримиримое расхождение политических взглядов, сходно не верят в то, что в любом человеке таится общечеловек. Берлинские студенты 1967-го года, издевавшиеся над близорукостью профессора Адорно, были правы.

М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно не были согласны с тем, что человеческий род сменится сверхчеловеческим. Если человек и будет эволюционировать, то челночным и при том деградирующим образом: «Seine (des Menschen. — *И. С.*) Vernichtungsfähigkeit verspricht so groß zu werden, — daß — wenn diese Art sich einmal erschöpft hat — tabula rasa gemacht ist. Entweder zerfleischt sie sich selbst, oder sie reißt die gesamte Fauna und Flora der Erde mit hinab, und wenn die Erde dann noch jung genug ist, muß... auf einer viel tieferen Stufe die ganze chose ("chose" — это мы, — *И. С.*) noch einmal anfangen»⁴⁵.

* Его (человека — *И. С.*) способность к уничтожению обещает стать столь громадной, что — достигнув предела — оставит после себя tabula rasa. Она либо уничтожит (развоплотит) саму себя, либо лишит Землю всей фауны и флоры, и если Земля еще достаточно молода, должна будет... еще раз, с более глубокого уровня, начать все это ("все это" — это мы — *И. С.*) сначала (*нем.*).

Атомное оружие было средством держать человека на грани его еще-бытия. Не забудем и англо-саксов. В «Трансформациях человека» Л. Мамфорд предпринял дерзкую попытку проследить все шаги человеческой истории, понятой как изменение самой сущности человеческого. В своей отправной точке человек, по мнению Л. Мамфорда, конфронтирует с природой как homo ludens⁴⁶ (но разве животные не умеют играть?). Игровое поведение выражает собой независимость человека от его непосредственного окружения. В своей свободе он становится и свободным от себя — историческим, самоизменяющимся существом (Л. Мамфорд рассматривает ряд фаз этого развития: «архаичный человек» ⇔ «цивилизированный человек» ⇔ «осевой человек» (имеется в виду создатель надрегиональных религий) ⇔ «человек Нового мира»...). Антропологической константой оказывается, таким образом, наша неконстантность, многосущность. Конечный этап человеческого пути — «мировая культура», единство всех людей. В желаемое будущее Л. Мамфорд отодвигает то, что, в действительности, дано людям с самого начала их становления, — их общность, которая наличествует вопреки их частным, местным различиям.

В теории карнавала (1940) М. М. Бахтина⁴⁷ человек обнаруживает истинного себя в незавершенности (вспомним А. Гелена и Х. Плеснера!) коллективной жизни — тогда, когда мы втягиваем индивидуальное тело в перевернутый (в сравнении с антропогенезом) субститутивный процесс (помещающий телесный верх на место низа и возвышающий низ), когда мы надеваем на себя маску (ср. выше о табуировании человеческого в тоталитаризме), когда мы терроризируем себя⁴⁸, когда мы путаем свою смерть с рождением (беременная смерть, как было сказано в другом месте, может родить только смерть же⁴⁹ — ср. пустые советские ритуалы).

Современник М. М. Бахтина, С. Н. Давиденков, рискнул вскоре после конца Второй мировой войны издать (отчаянно смелую по сталинским временам) книгу, в которой была проведена мысль о том, что культура была инициирована наиболее «неприспособленными» к существованию, «инертными» особями (шаманами). Специфическое для homo sapiens конструирование второй, неприродной реальности было осознано, таким образом, как ущербное уже в своих истоках: «...невротические реакции первобытного человека неизбежно должны были не только не подавляться, но, наоборот, подвергаться своеобразному “культу”, что в конце концов приводило к организации неврозов в определенные большие системы»⁵⁰ (читай: в культуру).

Своего беззастенчивого самосознания негативная антропология достигла у Л. Альтюссера, который, с одной стороны, провозгласил, что «время Маркса» еще долго не пройдет, а с другой, — атрибутировал марксизму (не будем обсуждать вопрос о том, справедливо или нет, — скорее, «нет») антигуманизм (ибо в «Капитале» в роли субъекта выступает не человек, а производство, наличествующее в мире и помимо человека, ибо это сочинение толкует не об «интерсубъективности», но о «производственных отношениях»⁵¹). Впрочем, касаясь взглядов Л. Альтюссера, мы имеем дело с пограничной философствующей личностью, мыслившей на пороге наступавшего постмодернизма, чья антропологическая концепция (не менее странная, нежели тоталитаристская) выходит за рамки этой статьи.